

Великая Гань находилась на пороге хаоса, и он мог уехать с Бао Лин и Бао Чжу, но не мог забрать с собой императрицу. Даже если бы у него была такая возможность, его тетя в этой жизни никогда бы не согласилась.

У нее были свои обязанности, и она все еще питала старые чувства к императору. Вероятно, она предпочла бы умереть вместе с ним, чем покинуть его. Тем более что у них была дочь, и ради нее она тоже не смогла бы уехать.

— Фэй, — увидев Яфэй, императрица Гао Ланьчжи сама спустилась к нему, взяла его за руку и внимательно осмотрела. Слезы навернулись ей на глаза. — Слава богу, ты в порядке, слава богу.

Яфэй знал, что эта императрица была его единственной родственницей по материнской линии. Если бы она не была заперта в глубине дворца, она бы сразу же пришла к нему, когда он заболел. Зная, что Яфэй лежал в постели, борясь за жизнь, Гао Ланьчжи пролила немало слез за эти дни.

Видя ее искренние чувства, служанки и придворные дамы тоже начали вытирать слезы.

Яфэй утешил ее и сказал:

— Тетя, я хочу вернуться в наш родной город Учжоу.

Императрица замерла.

Родной город Учжоу... Гао Ланьчжи задумалась на мгновение, прежде чем поняла, о чем он говорит.

— Но в нашей семье Гао уже никого не осталось, — пробормотала она.

Яфэй улыбнулся.

— В Учжоу все же есть наш родовой дом.

В прошлом усадьба герцога Ин была весьма знаменита. Учжоу был родным городом герцога Гао Цзяньцина, и, как сказал Яфэй, родовой дом семьи Гао находился именно там.

Однако после того, как Гао Цзяньцин и его сыновья погибли в битве на границе, в семье Гао остались только две сестры. Поскольку отец и сыновья Гао пали в бою за страну, и их заслуги были велики, предыдущий император, чтобы показать свою милость, сделал старшую дочь Гао Ланьчжи невестой наследного принца, который тогда был всего пятнадцатилетним юношей. Также он лично приказал выдать младшую дочь Гао Ланьфэй за сына Великой принцессы Жунхэ, Ли Сяньюэ.

В то время это казалось прекрасным браком для обеих сестер, и все знатные дамы столицы завидовали им.

Однако семья уже пришла в упадок, и сестры стали безродными. Такие высокие титулы, как наследный принц и князь, на самом деле были неподходящими для них, но в то время никто не осмеливался говорить об этом.

И, как и следовало ожидать, позже Гао Ланьфэй умерла от послеродового кровотечения, и, хотя в этом было что-то подозрительное, время уже скрыло все подробности. Гао Ланьчжи шла по тонкому льду и в итоге взошла на трон императрицы, но смогла сохранить только одну слабую здоровьем дочь. Вероятно, это был единственный ребенок в ее жизни.

Гао Ланьчжи была проницательной и через мгновение сказала:

— Это я виновата, что не смогла защитить тебя.

Как она могла не знать, что положение Яфэя в княжеском доме было шатким? Даже если она неоднократно предупреждала супругу князя, госпожу Юй, это лишь заставляло ее хотя бы внешне хорошо относиться к Яфэю. Она знала, что госпожа Юй хотела его испортить, но, если бы он смог прожить свою жизнь в мире, даже будучи бездельником, это было бы нормально.

Однако она не ожидала, что эта мать и сын окажутся настолько злыми, что не смогут терпеть Фэя.

— Тетя ошибается. Я не сбегаю от них, потому что не могу с ними справиться, — улыбнулся Яфэй.

Гао Ланьчжи покачала головой.

— Сейчас госпожа Юй и ее сын имеют большое влияние, ведь отец госпожи Юй — министр обороны. Сейчас страна неспокойна, и император очень на него полагается. Нормально, что ты хочешь уехать от них. Это не бегство. Я поговорю с императором, чтобы тебя отправили в Учжоу на лечение.

Яфэй не стал спорить.

— Хорошо, но я хочу уехать через два месяца.

Два месяца должны быть достаточны для решения всех дел.

— Хорошо, — согласилась Гао Ланьчжи. — Эти два месяца ты проведешь в храме Защитника Государства. Там будет безопаснее.

Очевидно, инцидент с падением в воду напугал Гао Ланьчжи, и она больше не хотела

отпускать Яфэя обратно.

— Как скажешь, тетя.

За это время Ли Цинъюань должен быть устранен, и он сможет восстановить свои силы. Когда он доберется до Учжоу, первый уровень его харчевни «Десять Тысяч Сокровищ» будет готов, и все будет как раз вовремя.

На следующий день рано утром Яфэй был отправлен в храм Защитника Государства.

— Ты опять здесь! — маленький монах с ясными глазами и аккуратными чертами лица, стоя у входа, уставился на Яфэя, выходящего из кареты.

Яфэй поднял бровь.

— А почему бы мне не быть здесь?

— Мой учитель Хуэй Сюй сейчас не в храме, — сердито сказал маленький монах.

Молодой монах рядом с ним с сожалением хлопнул его по лысой голове.

— Монахи не лгут, Фу Шань, не говори глупостей.

Маленький монах Фу Шань обиженно сказал:

— Он плохой человек, все время пристает к учителю Хуэй Сюю.

Яфэй на мгновение замер, а затем засмеялся и тоже потрепал маленького монаха по голове.

— Не волнуйся, больше не буду.

— Что?

— Я сказал, что больше не буду приставать к твоему учителю.

Сказав это, он спокойно направился в храм вместе с Бао Лин и Бао Чжу.

Еще не дойдя до гостевого двора, Яфэй увидел монаха в белых одеждах, стоящего неподалеку. Он выглядел как воплощение чистоты и благородства, слегка удивленно глядя на него. Очевидно, маленький монах солгал — учитель Хуэй Сюй был здесь.

Яфэй лишь кивнул Хуэй Сюю и вошел в гостевой двор, не сказав ни слова.

Гостевой двор храма Защитника Государства был не для всех. Этот храм был государственным храмом Великой Гань, и буддизм в стране процветал, но по статусу и известности храм Защитника Государства был на первом месте.

Даже некоторые высокопоставленные чиновники не всегда могли получить право остановиться в гостевом дворе храма.

Но Яфэй был другим. Благодаря своим связям с императрицей Гао Ланьчжи он не только часто бывал здесь, но и имел собственный маленький двор, очень тихий и уединенный.

Конечно, раньше он приходил сюда не потому, что верил в Будду, а по другой причине.

Маленький монах Фу Шань был прав — тогда он часто приставал к Хуэй Сюю, но это было до того, как он восстановил свои воспоминания.

Нет, он не совсем потерял память. За три перерождения он никогда не терял воспоминаний о своей современной жизни до того, как стал Яфэем.

Его случай нельзя было назвать потерей памяти, скорее, некоторые воспоминания были запечатаны, но в подсознании они всегда были. Иначе он бы не стал приставать к Хуэй Сюю.

Раньше репутация Яфэя была не очень хорошей, ведь он был «бездельником», который ничего не изучал. Однако он не занимался такими вещами, как похищение женщин или убийства, так что не совсем понятно, почему его репутация была настолько плохой. Скорее всего, его мачеха и брат были за этим.

Единственное, в чем его упрекали, — это приставание к мастеру Хуэй Сюю и настойчивое желание стать его названным братом. В те времена названные братья были обычным делом, и, если бы Хуэй Сюю не был монахом, это даже не считалось бы странным.

— В древности в некоторых вещах были более открыты, чем в современности, — Яфэй больше не смотрел на Хуэй Сюю. Он уже понял, в чем дело.

В те времена названные братья были просто открытым гомосексуализмом, и это не только не вызывало осуждения, но даже было довольно распространено среди аристократии.

В этом странном параллельном древнем мире такие вещи не вызывали удивления. Эти аристократы, с одной стороны, заводили названных братьев, а с другой — женились и заводили детей... Это было довольно абсурдно.

Раньше его мачеха заполнила его двор множеством красивых служанок, каждая из которых была соблазнительной и обольстительной, явно не из приличных мест. Бао Лин и Бао Чжу тогда очень волновались, но Яфэй оставался равнодушным.

Шутка ли, еще до своего переселения он знал о своей ориентации, и никакие красивые девушки не могли его соблазнить!

И тогда он встретил Хуэй Сюя.

В то время Яфэй думал, что влюбился в этого монаха с первого взгляда... или, скорее, его привлекла его внешность.

Он действительно думал, что влюбился, и почему-то настойчиво хотел завоевать его.

Но сейчас, оглядываясь назад, скорее всего, это было влияние запечатанных воспоминаний.

Хуэй Сюй выглядел как... дешевая копия Цан Юаня.

Какая же это была кара! Цан Юань уже однажды доставил ему неприятности, а потом, забыв о нем, он встретил Хуэй Сюя, который был не только низкокачественной копией, но и едва ли мог считаться даже подделкой, и чуть не попал под его чары.

— Боже, это было так клишировано, что я даже сыграл в этом дурацком сценарии с заменой! — Яфэй просто не мог сдержать сарказма. К счастью, он не добился успеха, ведь Хуэй Сюй был предан Будде и его вера была непоколебима. Он не поддавался на его уловки.

Что ж, это было счастливое избавление.

<http://bllate.org/book/15417/1371379>